

О. С. Волков, Д. И. Игнатенко

НИУ ВШЭ — МГУ, Москва

ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАЦИИ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ¹

1. Введение

В данной статье представлен краткий обзор семантики и дистрибуции трех глагольных показателей амгуэмского говора чукотского языка, так или иначе связанных с глагольной множественностью. Чукотская глагольная множественность уже становилась предметом отдельного исследования [Nedjalkov et al. 1997], однако в нем авторы идут от значений, составляющих семантическую зону множественности, и анализируют, каким образом они могут быть выражены в чукотском языке, при этом оставляя за скобками значения рассматриваемых показателей, не относящиеся к зоне множественности. В данной же статье будет предпринята попытка описать семантику трех наиболее часто упоминаемых в [Nedjalkov et al. 1997] показателей во всех возможных контекстах, а также предложить сценарий семантических переходов для каждого из этих показателей. Существенно также, что в данной статье используется материал, полученный в ходе полевой работы с носителями ранее не описанного амгуэмского говора чукотского языка, который, по всей видимости, в некоторых аспектах грамматики значительно отличается от уже описанных вариантов чукотского².

Статья состоит из шести разделов. В разделе 2 приводятся основные грамматические характеристики чукотского языка, кратко описана структура чукотской глагольной словоформы и видовременная система чукотского языка. Раздел 3 посвящен анализу

¹ Исследование поддержано грантом РНФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

² Примеры, приведенные в статье без дополнительных указаний на источник, получены авторами статьи в ходе совместной экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в село Амгуэма Чукотского АО летом 2016 года.

суффикса вербализатора-дистрибутива *-rʔu*, в разделе 4 описывается показатель антипассива, итератива и инверсива *-tku*, в разделе 5 — показатель множественности и интенсивности *-lʔet*. В разделе 6 содержатся заключительные замечания о системе глагольных дериваций в амгуэмском говоре чукотского языка в целом.

2. Чукотский язык: общие сведения и видовременная система

Чукотский — один из языков чукотско-камчатской семьи, число говорящих на нем по данным переписи 2010 года — 5095 человек. Среди грамматических описаний чукотского языка стоит выделить [Скорик 1961, 1977] и [Dunn 1999], среди описаний видовременной системы — [Недялков и др. 1984; Nedjalkov 1994; Волков и др. 2012].

В чукотском языке действуют правила сингармонизма³. Стратегия падежного кодирования глагольных актантов эргативна; глагольное согласование устроено по сложной расщепленной модели; характерна регулярная глагольная и именная инкорпорация.

Структура глагольной словоформы в чукотском языке в некотором приближении такова: конечные порядки обычно заняты согласовательными показателями; префиксальные слоты занимают многочисленные интенсификаторы, показатели актантных дериваций (каузатив, антипассив) и показатель дезидератива; справа от корня расположены тематические показатели и маркеры аспектуальных дериваций. Все три показателя, рассматриваемые в статье, являются суффиксами и занимают соответствующие слоты.

В парадигме чукотского глагола представлены четыре видовременные формы: две «личные» — аорист⁴ и презенс-прогрессив — и две «адъективные» — перфект и хабитуалис. «Личные» формы характеризуются полиперсональным согласованием; при этом согласование с агенсом переходного глагола (А) обычно

³ Отдельные показатели в статье приводятся в т. н. «слабом» варианте (гласные «слабого» варианта примерно соответствуют гласным верхнего подъема).

⁴ Аорист в чукотском языке не имеет формального маркера; выделение нулевого показателя аориста также по структурным соображениям не представляется возможным. Таким образом, в словоформах, стоящих в аористе, при глоссировании видовременная форма не нотируется.

выражается префиксально, а с пациенсом переходного глагола (P) — суффиксально; показатели, выражающие согласование с единственным актантом непереходного глагола (S), занимают обе позиции. «Адъективные» формы моноперсональны, в них используется другой набор согласовательных показателей, имеющий параллели в именной морфологии.

Презенс-прогрессив и хабитуалис могут выражать и прогрессивную, и хабитуальную семантику; при этом словоформа с показателем презенса-прогрессива может относиться только к временному плану настоящего, а словоформа с показателем хабитуалиса — и к настоящему, и к прошлому. В амгуэмском чукотском нет запретов для сочетания каких-либо глаголов с любой из четырех видовременных форм. Проверая, влияют ли рассматриваемые в статье показатели на аспектуальные и акциональные свойства словоформы, мы будем обращаться к интерпретации глаголов с данными показателями в форме аориста (перфективного прошедшего). Для дальнейшего изложения существенно, что в амгуэмском говоре чукотского языка, по-видимому, чрезвычайно мало глаголов, допускающих в аористе только событийную интерпретацию, — для абсолютного большинства глаголов возможна также процессная интерпретация. Событийная интерпретация обычно является дефолтной, однако процессная становится возможной при более четком определении контекста, например, с помощью обстоятельства длительности (ср. русский перевод (2), который, как кажется, не является вполне грамматичным, по крайней мере с процессной, а не хабитуальной интерпретацией; в чукотском же такое прочтение примера вполне грамматично):

- (1) *qepət-∅* *pətəkəntet-γʔ-i*
 мяч-NOM.SG взрываться-TH-2/3SG.S
 ‘Мяч лопнул.’
- (2) *qepət-∅* *ʔotsoj* *pətəkəntet-γʔ-i*
 мяч-NOM.SG долго взрываться-TH-2/3SG.S
 ‘Мяч долго лопался.’

Таким образом, определяющим компонентом семантики аориста является не событийность, а временная ограниченность, помещение внутри окна наблюдения. Аорист не допускает импер-

фективную интерпретацию; так, в таксисных контекстах аорист не может обозначать фоновую ситуацию:

- (3) *atləyǝ-n* *jet-γʔ-i* *nenene-t*
отец-NOM.SG прибывать-ТН-2/3SG.S ребенок-PL
jəlqet-γʔe-t
спать-ТН-PL
‘Когда отец пришел, дети заснули / уже поспали.’
* ‘Когда отец пришел, дети спали / засыпали.’

3. *-rʔu*: вербализатор — дистрибутив

Суффикс *-rʔu* трактуется в [Скорик 1977] и [Dunn 1999] как два омонимичных показателя: во-первых, вербализатор, использующийся при образовании от основ существительных безличных глаголов, описывающих состояние окружающей среды (в терминологии М. Данна — «метеорологический инхоатив»), во-вторых, глагольный словообразовательный показатель множественности какого-либо участника ситуации (дистрибутив). При этом в [Скорик 1977: 186–187] говорится, что *-rʔu* указывает на множественность субъектов при непереходных глаголах и объектов — при переходных; в [Dunn 1999: 264] же сообщается, что *-rʔu* не сочетается с переходными глаголами; в амгуэмском говоре чукотского языка сочетание с переходными глаголами также запрещено, а объектный дистрибутив выражается отдельным показателем *-jw*, не рассматриваемым в данной статье.

В амгуэмском чукотском засвидетельствованы обе вышеозначенные функции *-rʔu* (см. (4)–(6)). Дистрибутивная интерпретация возможна лишь при множественном числе S (ср. (6а) и (6б)), S при этом на семантическом уровне связывается квантором всеобщности. На акциональность *-rʔu* не влияет — в (6) возможна и инхоативная, и лимитативная интерпретация; те же интерпретации были бы у данного предиката и без показателя *-rʔu*.

- Вербализатор
- (4) *tuur* *mren-rʔu-γʔ-i* *jara-səko*
вдруг комар-DISTR-ТН-2/3SG.S яранга-INESS
‘Вдруг много комаров стало в яранге.’

- Вербализатор
- (5) *rəttə-rʔu-γʔ-i*
 морошка-DISTR-TH-2/3SG.S
 ‘Пошла морошка.’
- Субъектный дистрибутив:
- (6а) *jəlqet-rʔu-γʔe-t*
 спать-DISTR-TH-PL
 ‘Все заснули.’ / ‘Все поспали [какое-то время].’
- (6б) **jəlqet-rʔu-γʔ-i*
 спать-DISTR-TH-2/3SG.S
 Ожидаемое значение: ‘Он заснул.’ / ‘Он поспал.’

Представляется, что это распределение значений может быть описано не как случай омонимии, а как грамматическая полисемия. Попытка предложить такое описание содержится в [Мальцева 2013]: автор замечает, что в текстах встречаются единичные примеры, где *-rʔu* модифицирует глагольные основы при S единственного числа, и выделяет в них семантику неконтролируемости. Именно неконтролируемость, по мнению А. А. Мальцевой, является инвариантом семантики *-rʔu*: ситуации с множеством участников и природные явления также признаются А. А. Мальцевой неконтролируемыми⁵.

В амгуэмском говоре чукотского языка *-rʔu* также может сочетаться с глаголами при единственном числе S, однако кажется, что не все такие употребления сводятся к понижению контроля. Так, в (7) *-rʔu* привносит семантику интенсивности / неожиданности для окружающих / быстроты / множественности квантов ситуации:

- (7) *ya-tenmawə-jʔəm* *wetyawə-ŋŋo-k* *ənkʔam*
 PF-готовиться-NP.1SG говорить-INCH-INF и

⁵ Примечательно, что в типологической литературе описываются случаи, когда инхоативная семантика тесно связана с понижением агентивности и контролируемости; в частности, такой случай описывается в [Козлов и др. 2016] для мокшанского языка.

ya-wetɣaw-rʔo-jɣəm

PF-говорить-DISTR-NP.SG

‘Я собирался заговорить и (неожиданно для других / резко / многословно) заговорил.’

Оттенки семантики *-rʔu* особенно хорошо проявляются при сравнении этого показателя с нейтральным показателем инхотива *-ɲɲo*. Так, (8) не отличается от (9) по контролируемости; кажется, что различие между этими интерпретациями определяется тем, что в (9) представлена ситуация, хорошо разложимая на кванты (дрожь при ознобе можно представить как итерацию вздрагиваний):

(8) *tə-qewja-ɲɲo-ɣʔa-k*

1SG.S/A-мерзнуть-INCH-TH-1SG.S

‘Я замёрз.’

(9) *tə-qiwje-rʔu-ɣʔe-k*

1SG.S/A-мерзнуть-DISTR-TH-1SG.S

‘У меня озноб.’

То же можно наблюдать и с примерами (10) и (11); однако форма, представленная в (11), в отличие от формы глагола из (9), не лексикализована и может допускать различные интерпретации, связанные с интенсивностью / скоростью / степенью проявления ситуации:

(10) *tə-terʔajja-ɲɲo-ɣʔa-k*

1SG.S/A-петь-INCH-TH-1SG.S

‘Я начал петь.’

(11) *tə-tipʔejje-rʔu-ɣʔe-k*

1SG.S/A-петь-DISTR-TH-1SG.S

‘Я резко начал петь, интенсивно и со страстью.’ /
‘Я распелся.’

В амгуэмском говоре далеко не все глаголы сочетаются с показателем *-rʔu* при единственном числе S, список таких глаголов для каждого информанта индивидуален и зачастую зависит от того, насколько информант склонен к рефлексии над языком. Так, некоторые сочетания допускаются лишь в контексте языковой

игры; показательно, что и в них *-rʔu* передает семантику множественности квантов ситуации, неожиданности, интенсивности:

(12) ^{??}*t-wakʔo-rʔo-yʔa-k*

1SG.S/A-садиться-DISTR-TH-1SG.S

‘Я засадился много раз туда-сюда’; языковая игра

Представляется, что именно множественность участников либо квантов ситуации является инвариантом семантики *-rʔu*. Так, «метеорологический инхоатив» описывает картину окружающего мира, в которой сочетается множество своеобразных «участников» (хлопья снега, ягоды морошки и прочие объекты окружающей действительности); значение интенсивности также с легкостью выводится из множественности⁶.

При этом при сочетании *-rʔu* с показателем имперфектива инхоативная семантика не появляется, таким образом, номинация «метеорологический инхоатив» является ошибочной — при сочетании с именными основами данный показатель является «метеорологическим вербализатором», не связанным с начинательностью:

⁶ При данном анализе *-rʔu* оказывается функционально близок таким показателям, как, например, русский циркумфикс *раз- -ся*, который встречается в схожих контекстах («метеорологический инхоатив» — *распогодиться*, интенсивность — *раскричаться*, надлежащая степень проявления ситуации — *распеться*, дистрибутив — *разбежаться*). Все русские глаголы, маркированные *раз- -ся*, непереходны; интересно, что и чукотское *-rʔu* ведет себя сходным образом — глаголы, оформленные им, также непереходны. Однако не до конца ясно, почему семантика множественности/интенсивности накладывает такие ограничения на переходность. Представляется, что данные ограничения связаны с тем, что и *-rʔu* (с единственным числом S), и *раз- -ся* в сочетании с перфективом задают интерпретацию «вхождение в состояние»; при этом участник, находящийся в данном состоянии, кореферентен субъекту предшествующей ситуации (см. подробнее про *раз- -ся* в [Зевахина 2007]). Акциональный класс «состояние» подразумевает понижение контроля, агентивности и переходности клаузы (см., например, [Hopper, Thompson 1980]), что объясняет и ограничения на сочетаемость, и некоторые семантические переходы, приведенные выше.

- (13) *rəttə-rʔu-rkən*
 морошка-DISTR-IPFV
 ‘Вокруг много морошки.’

То же можно наблюдать в (14), где словоформа *ilirʔuplətʔukuk*, оформленная показателем *-rʔu* и показателем комплетива, означает ‘после дождя’, а не ‘после начала дождя’.

- (14) *ili-rʔu-plətʔu-k* *nutesqə-n* *ʔotsoj*
 дождь-DISTR-COMPL-INF земля-NOM.SG долго
nə-kəryet-qin
 STAT-сохнуть-STAT.3SG
 ‘После дождя земля долго сохнет.’

4. *-tku*: антипассив, итератив, инверсив

Суффикс *-tku* обычно рассматривается в литературе как два омонимичных показателя: итератив и антипассив (см., например, [Dunn 1999: 216]). При этом считается, что антипассивное *-tku* составляет единую парадигму с префиксом *ine-*, распределение между ними признается обусловленным лексически (см. [Kozinsky et al. 1988: 659]). В связи с этим в работах по чукотскому языку *-tku* зачастую практически не уделяется внимания; приводятся в основном примеры с *ine-*.

Представляется, что *-tku* и *ine-* на самом деле являются не супплетивными алломорфами, а разными по семантике деривациями: если *ine-* просто понижает коммуникативный ранг Р (15), то *-tku* дополнительно выражает различные значения из зоны множественности. В частности, *-tku* может имплицировать связанность Р квантором всеобщности, в таком случае Р обычно не выражается.

- (15a) *ʔaaʃek=a* *kimitʔ=ən* *ne=nʔetet=ən*
 юноша=ERG груз=ABS 3PL=нести=3SG/AOR

- (15b) *ʔaaʃek=ət* *ine=nʔetet=yʔe=t* *kimitʔ=e*
 юноша=ABS AP=нести=3PL/AOR груз=INSTR
 ‘Юноши унесли груз.’ [Kozinsky et al. 1988: 652]⁷

⁷ Запись предложения, глоссирование и перевод взяты из источника без изменений; английский текст переведен.

Тот факт, что при антипассиве с *ine-* Р выражается гораздо чаще, чем при *-tku*, отмечался еще в [Скорик 1977: 117] и [Kozinsky et al. 1988: 665], однако авторы этих работ не делают из него никаких выводов. Полевые данные амгуэмского говора не в полной мере проливают свет на эту проблему — продуктивный антипассив с *ine-* в нем отсутствует. Актантное преобразование с *-tku* в амгуэмском говоре встречается; в некоторых контекстах при нем действительно Р не может быть выражен, см. (16), где нельзя выразить объект ни в каком падеже:

- (16) *ʔəttʔə-n* *nə-ju-tku-qin*
 собака-NOM.SG СТАТ-кусать-ITER-СТАТ.3SG
 ‘Собака кусается.’

В примерах с невыраженным обобщенным Р у *-tku* естественным образом дополнительно к антипассивной появляется итеративная семантика. Более интересно, что подобные семантические преобразования происходят и когда Р выражается в косвенном падеже; в таких случаях у *-tku* может возникать также мультипликативная интерпретация. Так, (17а) с переходным глаголом *pənrək* ‘атаковать’ отличается от (18б) с тем же глаголом с показателем *-tku* и объектом в дативе тем, что в отсутствие *-tku* предполагается, что атака происходила одномоментно, в один бросок, а с *-tku* — что она происходила в несколько действий. При этом падежная рамка с дативом возможна только при наличии *-tku* (см. (17б)), но само *-tku* не всегда вызывает мену падежного оформления (см. (18а)). Таким образом, в (18б) *-tku* имеет антипассивно-мультипликативную семантику, а в (18а) — только мультипликативную.

- (17а) *ətłəy-e* *pənrə-ne-n* *yənnik-∅*
 отец-INS атаковать-3SG.A.3.O-3SG.O зверь-NOM.SG

- (17б) ^{???}*ətłəyə-n* *pənrə-yʔ-e* *yənnək-etə*
 отец-NOM.SG атаковать-TH-2/3SG.S зверь-DAT
 ‘Отец атаковал зверя [один раз]’

- (18а) *ətłəy-e* *pənrə-tko-ne-n* *yənnik-∅*
 отец-INS атаковать-ITER-3SG.A.3.O-3SG.O зверь-NOM.SG

- (18б) *atləyә-n penrә-tko-γʔ-e γәnnәk-etә*
 отец-NOM.SG атаковать-ITER-TH-2/3SG.S зверь-DAT
 ‘Отец атаковал зверя [несколько раз]’

Данное поведение *-tku* демонстрирует с достаточно небольшой группой глаголов. С остальными глаголами возможны либо все комбинации из (17) и (18) (в таком случае *-tku* можно считать показателем итератива/мультипликатива, а падежное преобразование объяснять, например, наличием нулевого аппликатива), либо только примеры с какой-то одной падежной рамкой (и тогда, опять же, *-tku* не несет антипассивной семантики). Получается, что компонент множественности присутствует в семантике *-tku* всегда, а антипассивное значение возникает только с некоторыми глаголами, список которых, как кажется, задан словарно и ничем не мотивирован. Совмещение семантики для таких глаголов можно было бы объяснить тем, что глагольная множественность способствует понижению общей переходности клаузы и возникновению антипассива.

При этом кажется, что среди всех значений из зоны множественности для *-tku* наиболее частотным является мультипликативное. Так, в (19) словоформа *nineswitkuqin* обозначает мультипликативный процесс, в отличие от формы глагола в (20), где суффикса *-tku* нет:

- (19) *atləy-e n-ine-swi-tku-qin*
 отец-INS STAT-INV-отрезать-ITER-STAT.3SG
tekisyә-n n-jәlqet-iγәm
 мясо-NOM.SG STAT-спать-STAT.1SG
 ‘Пока мой отец резал мясо, я спал.’
- (20) *atləy-e swi-ni-n tekisyә-n*
 отец-INS отрезать-3SG.A.3.O-3SG.O мясо-NOM.SG
 ‘Отец отрезал мясо.’

В мультипликативных употреблениях *-tku* может способствовать возникновению семантики неполноты: либо ситуация затрагивает не весь объект, а лишь его части (21), либо ситуация длится меньше обычного и с ненадлежащей интенсивностью (22), (23). Появление такой семантики может быть связано с тем, что вообще-то сочетание мультипликатива с процессами не очень ожидаемо, они при этом становятся менее гомогенными и как бы

делятся на кванты, и *-tku* выражает повторение этих квантов. Постоянно прерываемая ситуация не может привести к полноценному результату — отсюда и появляется семантика неполноты.

- (21) *pʔa-γʔ-e* — *pʔa-tko-γʔ-e*
 сохнуть-ТН-2/3SG.S — сохнуть-ИТЕР-ТН-2/3SG.S
 ‘высох’ — ‘высох частями, подсох немного’
- (22) *wala-mna-γʔ-e* — *wala-mna-tko-γʔ-e*
 нож-точить-ТН-2/3SG.S — нож-точить-ИТЕР-ТН-2/3SG.S
 ‘поточил нож’ — ‘немного наточил нож’
- (23) *jəlqet-γʔ-i* — *jəlqetə-tku-γʔ-i*
 спать-ТН-2/3SG.S — спать-ИТЕР-ТН-2/3SG.S
 ‘заснул / спал’ — ‘спал, все время просыпаясь’

Примечательно, что глаголы с *-tku* нередко представляют собой пример лексикализации, при этом если в некоторых случаях речь идет о некомпозиционных сочетаниях (см. (24)), то для большого количества физиологических мультипликативных процессов типа ‘моргать’, ‘икать’ коррелята без *-tku* на синхронном уровне не существует, мультипликативная семантика у *-tku* при этом стирается (см. (25) при невозможности глагола **imsəqə-γʔ-t*):

- (24) *keli-k* — *keli-tku-k*
 писать-INF — писать-ИТЕР-INF
 ‘писать’ — ‘учиться’
- (25) *ʔorawetʔa-n* *imsəqə.tku-γʔ-i*
 человек-NOM.SG икать-ТН-2/3SG
 ‘Человек икнул.’

Еще одним важным этапом диахронического развития *-tku* является его закрепление в инверсивной парадигме. Инверсив — одно из наиболее детально описанных явлений морфосинтаксиса чукотско-камчатских языков (см., к примеру, [Comrie 1980; Кибрик 1997; Володин 2000; Bobaljik, in print]), но при этом исследователи до сих пор не определились даже с тем, следует ли выделять в чукотском языке отдельную инверсивную парадигму, а работы, посвященные данной области, зачастую оставляют больше вопросов, нежели дают ответов.

В рамках данной статьи нет возможности подробно описать диахроническое развитие и синхронную семантику и дистрибуцию инверсивных показателей в чукотском языке, возможно привести лишь краткое описание системы согласования. Согласовательные показатели индикатива для непереходного глагола показаны в Таблице 1, для переходного — в Таблице 2.

Таблица 1. Согласовательные показатели аориста для непереходного глагола

	SG	PL
1	<i>t...-(yʔe)-k</i>	<i>mət...-(mək)</i>
2	<i>∅...-(yʔ)-i</i>	<i>∅...-tək</i>
3	<i>∅...-(yʔ)-i</i>	<i>∅...-(yʔe)-t</i>

Таблица 2: Согласовательные показатели аориста для переходного глагола

A \ O	1SG	1PL	2SG	2PL	3SG	3PL
1SG	—	—	<i>t...-yət</i>	<i>t...-tək</i>	<i>t...-(yʔe)-n</i>	<i>t...-ne-t</i>
1PL	—	—	<i>mət...-yət</i>	<i>mət...-tək</i>	<i>mət...-(yʔe)-n</i>	<i>mət...-ne-t</i>
2SG	<i>∅-ine...-(yʔ)-i</i>	<i>∅...-tku-yʔ-i</i>	—	—	<i>∅...-(yʔe)-n</i>	<i>∅...-ne-t</i>
2PL	<i>∅-ine...-tək</i>	<i>∅...-tku-tək</i>	—	—	<i>∅...-tkə</i>	<i>∅...-tkə</i>
3SG	<i>∅-ine...-(yʔ)-i</i>	<i>ne...-mək</i>	<i>ne...-yət</i>	<i>ne...-tək</i>	<i>∅...-ni-n</i>	<i>∅...-ni-ne-t</i>
3PL	<i>ne...-yət</i>	<i>ne...-mək</i>	<i>ne...-yət</i>	<i>ne...-tək</i>	<i>ne...-(yʔe)-n</i>	<i>ne...-ne-t</i>

Инверсивными в Таблице 2 считаются префиксы *ine-* и *ne-* и суффикс *-tku*, они появляются в тех клетках парадигмы, где на

дейктической иерархии⁸ либо слишком высоко находится Р, либо слишком низко — А (см. подробнее [Кибрик 1997]). В пользу решения объединять эти показатели в отдельную категорию говорит тот факт, что зоны, обозначенные в Таблице 2 оттенками серого цвета, выделяются в чукотском языке и в парадигмах, где порядок согласовательных морфем определяется по отличным от представленных в Таблице 2 правилам — в адъективных парадигмах перфекта и хабитуалиса и в неиндикативных парадигмах.

Неоднородность средств выражения инверсива связана с тем, что диахронически инверсивные показатели произошли из показателей разных категорий. Так, *ne-*, возможно, когнатен ительменскому пассиву, в чукотском он обозначает слишком низкого А (см. подробнее [Bobaljik, in print]). *ine-* и *-tku* возводятся к антипассиву и маркируют слишком высокого Р. Существенно, что падежное маркирование ядерных аргументов никак не зависит от того, присутствуют ли в глагольной словоформе показатели инверсива, а также то, что формы с инверсивными показателями являются для серой зоны Таблицы 2 дефолтными. Т. е. в данном случае *ne-*, *ine-* и *-tku* не являются актантными преобразованиями, они жестко закреплены в определенных клетках согласовательной таблицы.

Если развитие пассивного показателя в маркер низкого А представляется оправданным, то эволюция антипассива в показатель высокого Р требует отдельных пояснений. Дело в том, что эти два значения основаны на общей посылке — на слишком высоком Р, и если антипассив понижает коммуникативный ранг Р, лишая его статуса прямого объекта, то инверсив лишает Р первого лица статуса прямого объекта, чтобы подчеркнуть его высокое положение на дейктической иерархии — первое лицо не должно быть пациенсом. Таким образом, понижение синтаксической роли требуется лишь для того, чтобы лишить первое лицо пациентивных свойств — быть адресатом или бенефактивом ему уже не так зазорно.

При инверсиве понижение Р формально выражается только глагольным согласованием — клетки в Таблице 2, маркированные *ine-* и *-tku*, демонстрируют непереходное согласование с А.

⁸ 1SG > 1PL > 2SG > 2PL > 3SG > 3PL.

Отсутствие преобразований в падежном маркировании может быть объяснено тем, что при понижении Р до косвенного падежа номинатив отошел бы А, что автоматически подняло бы его коммуникативный ранг.

Тот факт, что преобразования происходят только в глаголе, примечателен еще и потому, что чукотская система формально сближается с классическими инверсивными системами языков Северной Америки (см. подробнее, например, [Zúñiga 2006]). Сближение происходит за счет того, что в чукотском в парадигме непереходного глагола показатели согласования с S располагаются и в префиксе, и в суффиксе, тогда как в переходной парадигме в общем случае префикс показывает согласование с А, а суффикс — с Р. Получается, что *ine-* и *-tku*, делая согласование формально непереходным, переключают согласование суффиксального слота с Р на А в эргативе, иными словами, происходит та же мена порядков согласовательных показателей, которая наблюдается, например, в алгонкинских языках, см. (26)–(27) из равнинного кри:

(26) *ni-wāpam-ā-w*
1-see-DIR-3
'I see him/her' (direct)

(27) *ni-wāpam-ikw-w*
1-see-INV-3
's/he sees me' (inverse) [Zúñiga 2006: 2]

Примечательно, что инверсивные *ine-* и *-tku* различаются между собой только тем, в каком столбце Таблицы 2 они расположены: *ine-* оформляет словоформы при Р первого лица единственного числа, *-tku* — при первом лице множественного числа. Таким образом, соотношение между *ine-* и *-tku*, которое можно наблюдать между антипассивными употреблениями этих показателей, сохраняется и в инверсиве: *-tku* функционально схож с *ine-*, однако, в отличие от него, предполагает множественность Р⁹.

⁹ Интересно, что в одном из чукотско-камчатских языков, алюторском, находится и другой пример закрепления показателя множественности в согласовательной парадигме — речь о плюрализаторе *-la*, который формально отличает множественное число S, А или Р участника от двойственного (см. подробнее [Кибрик 1997]).

5. *-lʔet*: множественность и интензивность

Показатель *-lʔet* трактуется в [Dunn 1999: 260] как показатель аспектуальной деривации — дуратива; при этом автор не указывает, каким образом это значение сочетается с семантикой словоизменятельных аспектуальных показателей. Схожим образом описывают семантику показателя и авторы [Недялков и др. 1984]: они сообщают, что данный показатель в определенных контекстах может использоваться как имперфективатор; в статье приводится один такой случай — пунктивные глаголы, не имеющие в аористе лимитативной интерпретации, не могут сочетаться с обстоятельствами длительности типа *ʔotsoj* ‘долго’, однако утверждается, что такое сочетание становится возможным при модификации глагола показателем *-lʔet*. В амгуэмском говоре при этом надежно не засвидетельствованы глаголы, которые не могут иметь лимитативной интерпретации в аористе, таким образом обстоятельства длительности употребляются практически со всеми глаголами в аористе и без каких-либо деривационных показателей, см. (28)–(30) с глаголом *təqək* ‘выливать’, обозначенным в [Недялков и др. 1984] как пунктивный:

- (28) *ajməkək-ajpə miməl-∅ tʔə-ni-n*
 ведро-ABL вода-NOM.SG выливать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Она вылила воду из ведра.’
- (29) *ajməkək-ajpə miməl-∅ ʔotsoj*
 ведро-ABL вода-NOM.SG долго
tʔə-ni-n
 выливать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Она долго вылила воду из ведра.’
- (30) *ajməkək-ajpə miməl-∅ qonpə*
 ведро-ABL вода-NOM.SG всегда
tʔə-ni-n
 выливать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Она вылила воду из ведра целую вечность.’

Другой пример использования *-lʔet* как аспектуального показателя можно обнаружить в родственном чукотскому и близком ему по грамматике алюторском языке: событийные предикаты, в норме не сочетающиеся с фазовыми глаголами, допускают такие

сочетания после модификации суффиксом *-lʔet*. Таким образом, *-lʔet* меняет акциональный класс глагола с события на процесс, в результате чего сочетание с фазовым глаголом становится возможным:

АЛЮТОРСКИЙ

- (31) *pəkir-ləʔatə-k* *ŋəvu-la-t*
 прибыть-DUR-INF начать-PLUR-3PL
 ‘...стали приближаться’ [Кибрик и др. 2000: 44]

В схожих контекстах в амгуэмском говоре чукотского языка суффикс *-lʔet* обязательным не является; с суффиксом инхоатива *-ŋŋo*, функционально идентичным алюторскому фазовому глаголу, могут сочетаться глаголы всех акциональных классов (см. (32)); при этом иногда инхоативная семантика изменяется на проспективную. Существенно, что наличие или отсутствие суффикса *-lʔet*, в отличие от наличия или отсутствия аналогичного алюторского суффикса, никак не влияет на возможность глаголов сочетаться с фазовым показателем.

- (32) *tə-pkirə-ŋŋo-γʔa-k* *taŋəra-k*
 1SG.S/A-прибыть-INCH-TH-1SG.S поселок-LOC
 ‘Я начал приближаться к поселку.’

Таким образом, аспектуальная трактовка *-lʔet* в амгуэмском говоре не подтверждается. Представляется, что основная его функция — маркирование повышенной интенсивности, высокой скорости, внешне- и внутрисобытийной множественности, а также множественности участников; в большинстве контекстов эти компоненты значения неотделимы друг от друга:

- повышенная скорость и интенсивность
 (33) *kanʔo-lyə-n* *ŋəlet-lʔet-γʔ-i*
 шикша-SING-NOM.SG загореться-PLAC-TH-2/3SG.S
 ‘Веточка шикши вспыхнула.’

- внешнесобытийная множественность, интенсивность
 (34) *iletə-lʔet-γʔ-i* *weem*
 идти.о.дожде-PLAC-TH-2/3SG.S река

əmat-γʔ-i

вздуться-ТН-2/3SG.S

‘Шли дожди, река вздулась.’

внешнесобытийная множественность, интенсивность

(35) *qonpə qametwa-lʔat-γʔ-e*

всегда есть-PLAC-ТН-2/3SG.S

‘Всё время ест.’

Такая размытость семантики *-lʔet* может быть связана с тем, что один из наиболее вероятных источников его происхождения — сочетание показателя атрибутива *-lʔ* и вербализатора *-et*; атрибутив при этом сам обладает достаточно широкой семантикой. Разделению показателя *-lʔet* на два показателя на синхронном уровне противоречит тот факт, что при присоединении атрибутива к переходному глаголу его прямой объект обязан инкорпорироваться — а деривация *-lʔet* возможна от переходных глаголов и без инкорпорации прямого объекта.

6. Заключение

Рассмотренные в статье аффиксы объединены тем, что в их семантику входит компонент множественности — внутрисобытийной, внешнесобытийной, множественности участников. При этом множественность, даже не являясь центральным значением этих показателей, может определять развитие их полисемии. Так, суффикс *-rʔo* в некоторых контекстах выражает множественность S — и тот же компонент множественности проявляется в его употреблении в функции «метеорологического вербализатора»; значения суффикса *-tku* — антипассив, итератив, инверсив для 1PL.O — также объединены через множественность. В рамках данной статьи не удастся полноценно ответить на вопрос о том, действительно ли в этих случаях наблюдается полисемия на синхронном уровне, однако диахроническая связь этих значений очевидна.

Семантическая зона множественности при этом не составляет в чукотском языке какую-то отдельную грамматическую категорию с собственным набором граммем — значения множественности обычно лишь сопутствуют показателям, относящимся к другим семантическим зонам. Такая последовательная экспансия множественности на территорию аспектуальных и

актантных дериваций среди прочего может быть объяснена тем, что противопоставление по числу у имен в чукотском сильно редуцировано — число различается лишь в номинативе, при инкорпорации оно не сохраняется, глагол не может согласовываться с инкорпорированным участником и единственным способом более или менее эксплицитно задать его число остаются показатели глагольной множественности. Так, в (36) множественное число инкорпорированного участника восстанавливается благодаря наличию суффикса глагольной множественности *-lʔet*:

- (36) *atri ɲinqeɟ-jetə-lʔet-ɣʔe-t*
они ребенок-прибывать-PLAC-TN-PL
'Они родили много детей' (букв. 'Они дето-пришли много')
[Nedjalkov et al. 1997: 320]

Важным фактом является то, что появление значений множественности у рассмотренных в статье показателей — лишь первый шаг к их парадигматической дестабилизации. Так, *-tku* может идиоматизироваться или закрепляться в согласовании; *-rʔi* и *-lʔet* в большом количестве контекстов выражают значения интенсивности, высокой скорости, неожиданности. Если принять во внимание отсутствие в амгуэмском говоре чукотского языка антипассива *ine-* и ограниченное употребление результата *-twa*, представленных в других диалектах чукотского, окажется, что абсолютное большинство глагольных показателей являются либо согласовательными, либо интенсифицирующими с широкой семантикой, а число актантных и аспектуальных дериваций гораздо меньше, чем обычно описывается в литературе по чукотскому языку. Такая картина является свидетельством упрощения глагольной морфологии, вполне возможно, вызванного влиянием русского языка.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо индексируемого участника; А — агент при переходном глаголе; ABL — аблатив; AOR — аорист; COMPL — комплетив; DAT — датив; DIR — директивное согласование; DISTR — дистрибутив; DUR — дуратив; INCH — инхоатив; INESS — инэссив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LOC — локатив; LOW.A — агент, находящийся низко на дейк-

тической иерархии; NOM — номинатив; NP — неличная форма; O — прямой объект; P — пациенс при переходном глаголе; PF — перфект; PL — множественное число; PLAC — глагольная множественность; PLUR — плюрализатор; S — аргумент непереходного глагола; SG — единственное число; SING — сингулятив; STAT — стативизатор; TH — тематический показатель.

Литература

- Волков и др. 2012 — О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VIII*, 2, 2012. С. 396–457. [O. S. Volkov, M. A. Daniel', M. Iu. Pupylnina, D. A. Ryzhova. K kharakteristike aspektual'noi sistemy chukotsko-kamchatskikh iazykov [On characteristics of aspect in Chukotko-Kamchatkan languages] // *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh isledovaniy RAN VIII*, 2, 2012. P. 396–457].
- Володин 2000 — А. П. Володин. О “блуждающей морфеме” INE/ENA в чукотско-корякских языках (опыт диахронической интерпретации) // *Вопросы языкознания* 6, 2000. С. 110–129. [A. P. Volodin. O “bluzhdaiushchei morfeme” INE/ENA v chukotsko-koriakskikh iazykakh (opyt diakhronicheskoi interpretatsii) [On “a wandering morpheme” INE/ENA in Chukotka-Koryak languages (a diachronic interpretation)] // *Voprosy iazykoznanii* 6, 2000. P. 110–129].
- Зевахина 2007 — Н. А. Зевахина. Циркумфиксы как показатели актантажной деривации // Ф. И. Дудчук, Н. В. Ивлиева, А. В. Подобряев (ред.). *Структуры и интерпретации: Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике*. Москва: изд-во Московского Университета, 2007. С. 64–85. [N. A. Zevakhina. Tsirkumfiksy kak pokazateli aktantnoi derivatsii [Circumfixes as a valency changing marker] // F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobriaev (eds.). *Struktury i interpretatsii: Raboty molodykh issledovatelei po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike*. Moskva: izd-vo Moskovskogo Universiteta, 2007. P. 64–85].
- Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // *Вопросы языкознания* 4, 1997. С. 25–53. [A. E. Kibrik. Ierarkhii, roli, markirovannost' i «anomal'naia» upakovka grammaticheskoi semantiki [Hierarchies, roles, marking and “abnormal” package of grammatical semantics] // *Voprosy iazykoznanii* 4, 1997. P. 25–53].

- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алыуторцев. М: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. [А. Е. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. A. Murav'eva. Iazyk i fol'klor aliutortsev [Language and folklore of the Alyutors]. М: IMLI RAN, «Nasledie», 2000].
- Козлов и др. 2016 — А. А. Козлов, Н. А. Муравьев, С. О. Никифорова. Семантика и морфосинтаксис одной мокшанской аспектуальной деривации // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 1, 2016. С. 534–548. [А. А. Kozlov, N. A. Murav'ev, S. O. Nikiforova. Semantika i morfosintaksis odnoi mokshanskoi aspektual'noi derivatsii [Semantics and morphosyntax of a Moksha aspectual derivation] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN XII, 1, 2016. P. 534–548].
- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Способы выражения начала действия в чукотско-корякских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2013. Т. 12. 2. С. 142–153. [А. А. Mal'tseva. Sposoby vyrazheniia nachala deistviia v chukotsko-koriakskikh iazykakh [Ways of expression the beginning of an action in Chukotka-Koryak languages] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoriia, filologiia, 2013. Vol. 12. 2. P. 142–153].
- Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, И. В. Недялков, В. Г. Рахтилин. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // А. В. Бондарко (ред.). Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1984. С. 200–259. [V. P. Nedialkov, P. I. Inenlikei, I. V. Nedialkov, V. G. Rakhtilin. Znachenie i upotreblenie chukotskikh vido-vremennykh form [Meaning and use of Chukotkan tense-aspect forms] // A. V. Bondarko (ed.). Teoriia grammaticheskogo znachenii i aspektologicheskie issledovaniia. L.: LO izd-va «Nauka», 1984. P. 200–259].
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М. — Л.: АН СССР, 1961. [P. Ia. Skorik. Grammatika chukotskogo iazyka. Ch. 1: Fonetika i morfologiia imennykh chastei rechi [Grammar of Chuckhi. Part 1: Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. М. — L.: AN SSSR, 1961].
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова. Л.: АН СССР, 1977. [P. Ia. Skorik. Grammatika chukotskogo iazyka. Ch. 2: Glagol, narechie, sluzhebnye slova [Grammar of Chukchi. Part 2: Verb, adverb, function words]. L.: AN SSSR, 1977].
- Bobaljik, in print — J. Bobaljik. The Chukotkan “inverse” from an Itelmen perspective. In print.

- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal // *Folia Linguistica Historica*, vol. 14, issue *Historica I/1*, 1980. P. 61–74.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. Diss., Australian National University, Canberra, 1999.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 1980. P. 251–299.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Kozinsky, V. Nedjalkov, M. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object // M. Shibatani (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam: Benjamins, 1988. P. 651–706.
- Nedjalkov 1994 — V. Nedjalkov. Tense-aspect-mood forms in Chukchi // *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)* 47, 4, 1994. P. 278–354.
- Nedjalkov et al. 1997 — V. P. Nedjalkov, I. A. Muravyova, V. G. Raxtilin. Plurality of situations in Chukchee // V. S. Xrakovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1997. P. 310–328.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. *Deixis and Alignment. Inverse systems in indigenous languages of the Americas*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.